

Рассказ

За чаем бабка вдруг всполохнётся, сунет ноги в валенки, выскочит во двор, полезет по глубокому сугробу к вишняку, сорвёт хрусткую морозную веточку, и — назад. В доме веточка станет гибкой. Чай густой, коричневый, томный, ароматный, как целое ведро спелой вишни — будут пить они с бабкой в потемках, экономя электричество...

— Да ты садись лучше на переднее сиденье, а то он тебя съест, — вместо приветствия зевнул лениво Валек.

На сиденье лежал огромный боксер. Он вежливо приподнялся, заперев лапами, и тоже зевнул.

— Он добрый, но съест. Порода такая. — Надень ему намордник.

— Он не любит в наморднике, платит.

— А если он тебе голову откусит?

Или мне... Бобик, ты не откусишь мне голову?, спросил Олег, усаживаясь на заднем сиденье рядом с собакой.

— Не оскорбляй, он не Бобик, а Барон.

— А почему от него керосином пахнет?

— Спугал пузырьки. Лапу ему обрабатывал. Деверь у меня летчик. Привез жене авиационного керосину — от ангины помогает, а я думал, это перекись.

— Ну ты даешь... Керосин на рану...

Боксер повернулся к Олегу и жалостно заскулил, забормотал что-то, потом помотал головой, брыли щек затряслись, слюна полетела по сторонам и он чихнул.

— Ну, вот ещё пожалуется у меня! — воскликнул Валек. — Нашёл защитника! Доложи ему все! Предатель...

Собака забубнила что-то, стала подвывать.

— Стукач! Молчи уж, а то сам машину поведешь! А сам? Где лапу поранил? На помойку за сучкой побежал! Позорище...

Бобик резко умолк и отвернулся к окну.

Валек нервно включил зажигание и рванул вперед.

— Ты чего такой злой? — спросил Олег.

— Устал. Надо еще Аркашу забрать, — буркнул Валек. — Он телевизор купил.

Аркаша тоже был их одноклассником. Он ввалился в салон, как в открытый тротуарный люк. Огромный, но легкий, весь как резиновый фантастический глаз с телевизором вместо зрачка.

— Почему без коробки?! — завопил Валек.

— Не до коробки, не до коробки, Валентин, поехали, — сказал Аркаша, вминая свое крупное тело в сиденье и накрывая живот и широкое лицо плоским телевизором.

— Не, ну так не пойдёт, — откинулся Валек. — Ты мне будешь мешать скорости переключать.

— Не буду, не буду, Валя, — забормotal Аркаша, старательно отодвигаясь к окну.

— Е-моё! — завопил Валек, Барон громко зарычал.

— Е-моё... — вздохнул Олег и пожалел, что не поехал поездом.

— Валентин, поехали, не волнуйся так. Мне уже не вылезти, — сказал Аркаша.

Олег вылез из машины, пошёл в ближайший магазин и купил там несколько коробок. Они с Вальком уложили телевизор в багажник, запеленав его картоном со всех сторон, как новорожденного монстра, и молча сели в машину.

Настроение было испорчено. Разговаривать с Аркашей никто не хотел, и потому он говорил всю дорогу один. Изредка Барон покусывал из вежливости, но Валек все равно молчал — в воспитательных целях.

В школьные годы Аркадий сидел на задней парте и мало чем отличался от других троечников. Каждый урок общественного воспитания высокая, статная и кривоногая Валерия Витальевна по прозвищу Кавалерия, начинала с повторения морального кодекса строителя коммунизма. Почему-то первым она всегда вызывала Аркадия, но каждый раз он надеялся, что Кавалерия одумается и вызовет перечислять двенадцать пунктов кого-нибудь другого. Но Кавалерия была верна своим традициям, и как только начинался урок, провозглашала:

— Итак! Внимание! Повторим моральный кодекс строителя коммунизма. Если бы я выпускала спички, я бы на каждом спичечном коробке вместо глупых рисунков публиковала этот закон мира. Аркадий! Внимание!

То ли ей нравилось имя, то ли потому что имя начиналось на "А" — первую букву алфавита...

— Я забыл, — вздыхал Аркадий.

— Не удивительно. Я так и знала. Садись и повторяй. Все ждём Аркадия!

В классе возникала бо́льшая тишина, Аркадий пытался, сопел, потом вставал и начинал мылится о том, каким обязан быть строителю коммунизма. До четвертого пункта он никогда не доходил, Кавалерия начинала злиться, злиться, злиться, краснеть, краснеть и, наконец, махнув большими пальцами в сторону отличницы Наташи, грузно усаживалась на свой стул и роняла голову в широкие ладони. Наташа бойко тараторила текст кодекса, после чего Кавалерия продолжала урок. К концу года, когда подходила пора исправлять двойки, каждый желал рассказать ей моральный кодекс и был готов строить коммунизм. Только угрюмый Аркадий огурылся:

— Надоел мне этот кодекс, что толку учить? Не будет никакого коммунизма.

Аркадия оставили на второй год как политически неграмотного и неблагонадежного, но их класс не перестал считать Аркашу своим.

— Тридцать лет прошло, а всё как вчера, бардак полный, — горько вздыхал постаревший Аркадий. — Лучше бы я в своё время не выставлялся, не бодался с Кавалерией, а получил бы хороший аттестат — уже в Кремле сидел бы. А так вот вожу телевизоры.

— Сидел бы, это точно, — кивнул Валек.

— Да лучше телевизор привезти чем деньги. Если Кате моей вечером деньги дать, их утром не будет. Так

хоть телевизор останется.

— А старый куда?

— Старый я разбил. В порыве речи. Разговаривал с ним.

— Куда ж твоя Катя по ночам деньги деваёт?

— Прячет. На море хочет поехать, копит.

— Разболовал.

— Уже тридцать лет хочет. В Персидский залив. Во, блин, там американские корабли и подводные лодки, а она не боится.

— Так может лучше на Чёрное? — предложил Валек.

Бывшая страна

— На Чёрное ещё хуже. У него исторически дурная репутация. Море у нас есть своё — рядом с огородом, возле бани, в кадке с водой, а загорать на грядках можно. Свой загар полезный, а на юге радиация. Я жену берегу.

Олег смотрел в окно, на летящие отчаянно и смело прямо в лоб машине хлопья снега. Сбоку доверчиво прижился горячий Барон, всхлипывая во сне, как маленький щенок. Аркадий горевал о судьбе страны и постепенно

шую систему координат. Майка, как точка отсчёта мира, расставляла всё по местам. И тогда земля становилась незбылемой, звёзды неподвижными, а облака приближались и прижимались к Олегу так крепко, что он касался их ладонью, чуть отталкивал, как мячики, и облегчённо вздыхал, радуясь возвращению.

— Так, ну хватит, — сказал Олег сам себе, выпрямляясь на сиденье, отрывая взгляд от снега и чёрной ночи, возвращаясь к друзьям. — Ты где работаешь сейчас, Аркадий?

— Да в Кремле.

— В каком Кремле?

— В красном.

— А что ты там делаешь?

— Поправки к законам пишу.

Валек заёрзал на сиденье.

— Да он ремонтом квартир занимается. Олег, он битый час говорит про эти квартиры. Ты где был? Предприятия в городе закрыты, заводы остановлены: и маслозавод, и льнозавод, и консервный, и ниточная фабрика.

рами котельных устроились, кто попроще — грузчиками, а я — бомбила. У меня вон — пёс. И хватит.

В машине повисла густая тишина. Они ехали вместе куда-то далеко-далеко в заснеженное детство, в прошедшую юность, в страну, затерянную среди полей и лесов, среди просторов огромной вселенной, куда ведёт единственная дорога сквозь белые пушистые хлопья снега, мимо жёлтых звёзд. Три бродяги, три одиночки, утомлённых жизнью мужчины ехали туда, где жили мечты и надежды, где они любили весь мир и где весь мир любил их.

Елена РОДЧЕНКОВА

Казалось, что можно ещё успеть исправить какие-то ошибки или достоверно убедиться в том, что ошибок не было.

— Во, блин, глянть-ка! — воскликнул вдруг Аркаша. — Космос!

Он махнул широкой, как лопата, ладонью в сторону лобового стекла, в которое, как полуживые мотыльки, бился отчаянные снежинки. Дворники шустро сгребали их тающие тельца и расшвыривали, погасших, вялых, мок-

Рисунок Дарьи Чужой

Он ездит на заработки в город.

— Поправки пишу! — улёрся Аркаша.

— В моральный кодекс строителя коммунизма.

— Ладно тебе, — цыкнул на него Валек. — Чего дуришь?

— А Степаниха жива? — спросил Олег невпопад.

— Померла той весной. Огород посадила, баню стопила, помылась, нарядилась, легла и померла.

— А конь-то её жив? Хасан?

— Вспомнил! Коню сто годов было, он три войны прошел. Помер и конь.

Олег заволновался, потом всё же спросил:

— А Майка моя? Ничего не знаете о Майке?

— Здрасьте! Олег, ты чё, блин, книжками отравился? Майка уж тоже не девушка была, с таким характером долго не живут ни бабы, ни кобылы. Сдали, наверное, на мясо, когда колхоз обанкротился. А чего вспомнил? — спросил Валек.

— Да вспомнил, как летом сено заготавливали в лагере труда и отдыха. — Много она тебе крови испортила. Весь покусанный ходил.

— Ну! — счастливо заулыбался Олег. — Возьмёт ни с того ни с сего и укусит за плечо! Курева не любила. Я как втихушку покуро, так она меня и укусит.

— Бывают и среди кобыл дуры, — вздохнул Аркаша.

— Она тебя любила, — сказал Валек.

— Любила... Ты мою спину видел? А плечи? Руки вон, посмотри, любила! Шрамы от зубов какими! — воскликнул Олег.

— Это на вечную память, — сказал Аркаша. — Чтобы помнить.

— А жена твоя кем работает? — внешне спросил Валек.

— Работает женой. Переводчицей раньше была, потом учителем. Любила... Ещё как любила...

— Тоже, значит, языки знает, как и ты, — сказал Аркаша. — Хорошо вам. А я с Катей все нервы выматал. Она продавец, и нету у нас ничего общего.

— Во даёт! — воскликнул Валек. — Три девки рождены и ничего общего? Алё! Очнись! Моральный кодекс!

— Все разговоры о тряпках, — вздохнул Аркаша. — Можно сойти с ума. Поэтому один у меня собеседник — телевизор.

— А моя сидит на диете, — прервал его Валек. — Не ест, готовить не хочет, боится растолстеть. Ем один, сплю один, работаю один. Где она? Не знаю. Вроде есть, вроде нет. Но красивая. Она у меня третья по счёту.

— Ты всегда красоту уважал, — согласился Аркадий. — Помнишь Ироку? Наверное, она тоже приедет на встречу.

— А Дина? — спросил Олег.

— И Аллочка? Во, блин, всех девок оприходовал в городе! — воскликнул Аркаша.

— Никого я не оприходовал. Ухаживал просто. Это они меня оприходовали — красотой своей. Так бы, может, жизнь по-другому сложилась, если бы не они. Бомбло теперь по ночам, вся жизнь на диете.

— Ты же университет закончил, — сказал Олег.

— Теперь все университеты заканчивают. Что толку? Отличники операто-

рых, — по сторонам, за края, за берега пространства и времени.

В школе было очень холодно. Что-то сломалось в котельной и потому замерзли и треснули батареи. Мороз за ночь окреп до тридцати градусов, потому торжественную часть вечера встречи перенесли в районный дом культуры.

В полутёмном большом уютном зале, где по-старому пахло пылью и тайнами, царил дух торжества и победы. Народу было полным-полно. Олег сел в последнем ряду, и весь обратился в зрение и слух, будто стал ледяным стеклянным аппаратом, камерой в руках невидимого оператора, снимающего на пленку сон о путешествии в прошлое.

Аркаша, распаренный, красный, махал лапами своей дублёнки и лез обниматься ко всем подряд, будто жил не в городе, а на южном полюсе и впервые вырвался к людям от своих белых медведей. Он то затравленно зыркал по сторонам, то взмахивал руками и хохотал, как пароход, то гордо оглядывал весь зал, пытаясь кого-то найти. Может, Олега, может, Кавалерию.

Валек топтался рядом с одноклассницами Светой и Машей, совсем не постаревшими, очень радостными, какими-то тёплыми, родными. Олег улыбнулся горько, подумав, что свои девчонки с возрастом становятся ближе, а чужие — всё дальше и дальше. Только Люсечка, маленькая, худенькая, болтливая, показала ему издалика сухонькой старушкой, неугомонной бабкой Ежкой, которую она играла раньше в спектаклях на новогодних праздниках. Она мешалась под ногами у Гены — своего мужа, и Олег пожалел грустного Гену из параллельного класса.

Потом внезапно погас свет, на сцене появились ведущие, экран засветился, замелькали кадры, на которых вернулась из небытия их беззаботная жизнь. Вот их класс, такие же, как сегодня. Нисколько не изменились. Вот и Её класс. Она в первом ряду, тихая, спокойная, строгая...

Темноту зала то и дело пронизывал луч света, вырывающийся из щели боковой входной двери. Каждый раз Олегу казалось, что из светлого коридора в темноту зала вошла Она. При села где-то в сторонке, как обычно, на краешек стула, чтобы никому не мешать, никого не потрепывать, не обременять... За всю жизнь он не встретил больше ни одной такой, как Она. Все заходили властно, по-хозяйски широко распахнув объятия, а уходили, громко хлопнув дверью. Все рассаживались, разваливаясь посреди его жизни, заполняя собой пространство и заставляли служить. Он подчинялся, не спорил, служил, потому что не умел спорить с женщинами.

А Она была облаком. Летела по небу, то бережно закрывая от паллящих лучей солнца, то сторонясь и открывая яркие звёзды. Летела рядом, чтобы ему не показалось, что земля уходит из-под ног, а звёзды мчатся навстречу, опасные, как оси. Она плыла над ним, чтобы он стоял на ногах крепко. Только Олег смотрел непр-

вильно, не под тем углом, и потому однажды земля упала и он тоже страшно полетел следом за землей куда-то...

На сцене один за другим выступали

учителя, выпускники и учащиеся школы. Они читали стихи, пели песни, танцевали, дарили друг другу подарки и цветы, а он смотрел сквозь них на экран, где замер неподвижно их класс: у всех в руках ведра, рядом — телега с ящиками, Майка, Олег с кнutom. Сейчас где-нибудь Аркаша язвит: конюх-переводчик, кнут с пряниками...

Если Она приехала, то тоже видит его. Смотрит откуда-то с третьего ряда, со своего облачка, отстранённо и бесстрастно, как смотрят с икон святые...

Последний раз он видел её на лесной речке возле её деревни, где был городской пляж. В детстве они ездили на пляж на велосипедах, потом, подростками — на мопедах, потом на мотоциклах, потом — на машинах. А Она приходила пешком — деревня была на другой стороне реки, переходила мелкую речку вброд и купалась возле разрушенной запруды старой мельницы. Поток воды был сильным, речка в этом месте была неглубокой, неопасной, крупные камни развалившегося моста образовывали большие и малые живописные водопады, в которых любила плескаться детвора. Живописные развалины, заросшие ивами берега имели магическую силу, которая притягивала сюда всех, кто хоть однажды здесь побывал. А Она бывала каждый день, и потому эту силу впитала и знала, видно, как ею распорядиться.

Был сентябрь. Олег приехал в отпуск помочь матери копать картошку. Мать была уже слабой, отпуск подошел к концу, картошка была выкопана, огород убранный, забор поправлен. Вечером они пили чай на кухне. Солнце почти коснулось края земли, как вдруг Олег вскочил и быстро пошёл к машине:

— Искупаюсь...

Он приехал на пустой пляж, разделся, прошёл по мокрому, холодному песку к воде и шагнул в речку быстро, будто подчиняясь чьему-то строгому приказу. Сердце замерло, занемело от холода, на мгновение перестало стучать и снова глухо, тяжело забухало. Он переплыл узкую речку, вышел на другом берегу, у водопадов, пошёл к разрушенной основе старого моста. Сел на камень и тут же встал — летом камни отдавали тепло, а в сентябре забирали. Олег постоял, разглядывая стены старой мельницы и радуясь, что время их не берёт. Там, на высоком берегу, над камнями, всегда появлялась Она. Её было видно издалика, светясь на солнце, тонкая, прозрачная, почти нереальная, в шелковом платье, которое пылыло над ним, как розовое облако в лазурной вышине. Она стояла и ждала, когда он будет нырять... Нырять он лучше всех! Уж старался!

Олег улыбнулся, дрожа от холода, поднял голову и чуть не упал. Окмелен: Она стояла на высоком берегу в лучах заходящего оранжевого солнца — высокая, прозрачная, невесомая, пыла над ним, как неожиданная горькая правда, прозвучавшая во сне.

Он спешил назад, торопливо, как трус, переплыл речку, вышел на берег и, не оглядываясь, пошёл к своей машине. Из-за кустов, где стояла машина, Её не было видно, но он знал, что сейчас она исчезнет, а потом появится справа, перейдёт речку вброд, на сухом песке пляжа расстелет покрывало. Сядет с краю, так, чтобы никого не стеснить, но напрямч своим присутствием...

Он переоделся в машину и вышел.

Она сидела на берегу, в речке купались два мальчишки. Олег подошёл к воде, сполоснул ботинки.

— Не холодно? — спросил он мальчишек.

Те синеватыми от холода губами, дрожа, восклицали радостно:

— Т-т-тепло!

Она улыбалась молча. Олег вернулся к машине.

Когда торжественная часть закончилась, загорелся яркий свет, зазвучала бодрая музыка, всё вокруг стало праздничным, волшебным, новогодним, показало, что случилось чудо.

Олег подошёл к своим.

— Ты где был? — недовольно пробасил Аркаша.

— Купался, — сказал Олег.

— Умник, блин...

Радостное ожидание продолжения праздника за праздничными столами в городской столовой повысило настроение так, что Олегу показалось: если кто-то зажжёт спичку, то дом культуры лопнет, как воздушный шар.

Олег оглянулся по сторонам. Её класс был не очень дружным. Нескольким человеком столпились вокруг старенькой математички по прозвищу Булка, и ему вдруг показалось, что высокая женщина, стоящая спиной к нему, — это Она...

Как тогда у реки, он рванул, как трус, к дверям. Вскочил из дома культуры, будто его ошпарили.

Сейчас в столовой он пригласит её танцевать и скажет: "Я никого не смог полюбить кроме тебя". Скажет и всё.

Возле дома культуры шумели, рассаживаясь по машинам, выпускники и учителя. Было холодно, морозный снег, как крахмал, рассыпался и стеклянно скрипел под ногами. Родной городок казался незнакомым. Дома стали маленькими, низкими, будто росли не только в сугробы, но и в землю. На базарной площади были

ещё целы старинные деревянные магазинчики. В коричневом продавали резиновую обувь, и там так вкусно пахло, что даже радостно ныли зубы. В голубом домике с верандочкой сушёный дедок продавал мед и продукты пчеловодства. Теперь на его стене красовались вывески с иностранными словами, но Олег не поверил этим словам. Город по-прежнему жил своей жизнью, как и тридцать лет назад. Ничего не изменилось.

Олег подумал, что утром будет неприятно проснуться в гостинице. Он никогда не ночевал в городской гостинице, ходил мимо неё в школу и из школы, не задумываясь о том, что в ней. Показалось, что утром он проснётся и услышит заморскую речь. В гостиницах всегда говорят не по-русски...

Возле деревянного покосившегося ларька, где раньше продавалось разное мороженое местного производства в бумажных стаканчиках, были привязаны две лошади, запряжённые в телеги. Олег вспомнил, как было томно стоять в очереди и ждать, когда толстая добрая продавщица Лубиха взвесит на железных весах с гирьками желтоватое, ароматное, пахнущее морожом и арбузом мороженое, чтобы потом, зажав портфели пыдышкой, плоскими деревянными палочками с еловым новогодним вкусом есть вкуснейшее из всех придуманных в этом мире лакомств.

Удивительно, что так поздно вечером в городе были привязаны кони. Сердце Олега вдруг задрожало, затрепетало, заколотилось взволнованно. Он любил коней. Одно время он даже мечтал стать ветеринаром, но мать не разрешила, боясь, что его пошлют работать в колхоз.

Если бы не карьера, он обязательно завёл бы коня. Жил бы с Ней в большом доме, растил двоих сыновей...

Олег вжал голову в плечи и, стараясь не смотреть в сторону лошадей, быстро прошёл мимо них к воротам рынка. Он уже почти шагнул за ворота, как вдруг услышал неуверенное краткое ржание за спиной. Олег остановился как вкопанный, будто лошадь сказала: "Стой!". Он ухватился рукой за каменный столб ворот и прислушался. Ржание повторилось, ещё более робкое, неловкое...

— Что?.. — прошептал Олег.

Лошадь заржала громче.

Олег медленно оглянулся:

— Майка?..

Он пошёл к лошадям.

— Майка!

Кобыла резко вскинула голову и заржала звонко, молодо и счастливо.

— Майка! — закричал Олег, подбегая к ней. — Живая! Ты меня узнала, Майка!

Олег обхватил лошадь за шею двумя руками и стал целовать её холодную, покрытую инеем морду. Майка фыркала, тычась ноздрями в его плечо, пихая его головой то в грудь, то в подбородок. Она перебирала ногами, будто собиралась бежать куда-то далеко-далеко в прошлое, где они были вместе. Она дрожала и всхлипывала глухо и горько, как огромный ребёнок.

— Майка, Майка... — повторял Олег.

Он больше ничего не мог ей сказать, потому что сказать было нечего.

— Эй, мужик! А ну отойди от кобылы! Отойди, я сказал!

Олег очнулся.

— Чего тебе надо от неё? Нахрался и лезет обниматься. Пальма, Пальмушка, моя хорошая.

Крупный бородастый старик в лёгкой но по морозу фуфайке и замасленной кроличьей шапке взял лошадь под уздцы.

— Разве это не Майка? — растерянно спросил Олег. — Это Майка, я её знаю.

— Ну и что, что ты её знаешь. Её все знают. Зачем лезть-то? Это ж не игрушка.

— Я конохом работал в колхозе. Я явочки возил! И сено! Меня дядька устроил. Подработать. Яблоко, картошку, сено... Тридцать лет назад. Она кусалась.

Майка всполошилась, заржала будто вспомнила, как кусалась.